

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ

УДК 94(47)

НАЦИЯ В СИСТЕМЕ ВЗГЛЯДОВ В.С. СОЛОВЬЕВА¹

Вячеслав Кудряшев

Аннотация. Одной из самых противоречивых фигур в русском национальном дискурсе XIX в. являлся В.С. Соловьев. Мыслитель рассматривал проблемы нации через призму движения человечества к единству на основе христианства.

Обращаясь к общепринятым чертам или признакам национального единства, философ, по существу, опровергал их действенность только как национальных идентификаторов. Важнейшим фактором национальной солидарности он определял национальное самосознание, формирование которого было важнейшим критерием становления народности (нации). Поэтому главным в национальной идентификации человека В.С. Соловьев считал его самоопределение. Нация В.С. Соловьеву интересна как основная форма объединения людей на современном ему этапе, как общность, в рамках которой будет развиваться христианское всеединство человечества. Но в истории человечества народность выступала как сила, дифференцировавшая и разделявшая, а значит, противоречащая объединяющим нравственным началам христианства. В.С. Соловьев предполагал сохранение глобальной системы «личность – нация – человечество (как единая цивилизация)», но надеялся на изменение принципов взаимодействия между ними посредством реализации идеи богочеловечества. Движение к межнациональному объединению – «всеединству» составляло, по Соловьеву, сущность исторического прогресса и определяло перспективы развития нации как формы человеческого сообщества. По его мнению, факторы, консолидировавшие народность в прошлом: единство происхождения, национальный язык, общая история, в (его) настоящем отходили на второй план перед общностью целей совокупности личностей, сознательно причисляющих себя к данной национальности и оформленной в качестве национальной идеи.

Ключевые слова: нация, национальная идея, национализм, всеединство

Постановка проблемы. В.С. Соловьев относится к мыслителям XIX в., стремившимся заглянуть в будущее человечества. Его смелые футуристические построения вызывали споры не только современников, но и интеллектуалов уже много позже смерти философа. Одной из самых ярких и дискуссионных идей была попытка обосновать возможность духовного единства человечества, преодолевшего конфессио-

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

нальные, интеллектуальные, культурные и национальные противоречия. В этой связи представляет большой интерес комплекс взглядов В.С. Соловьева на ретроспективу и перспективу нации как формы человеческого сообщества. В эпоху господства различных вариантов национализма в европейской общественной мысли и формирования его в российской мысли он нашел в себе смелость поставить под сомнение эффективность традиционных факторов национального единства и сформулировать условия перехода к новым, высшим формам единения людей.

В.С. Соловьев является одной из самых противоречивых фигур в русском национальном дискурсе XIX в. При этом для русской и зарубежной историографии было характерно стремление идентифицировать мыслителя с точки зрения близости к основным течениям общественной мысли России. Если в либеральной литературе В.С. Соловьев предстал продолжателем славянофильской традиции (Милюков 1903: 49), то в консервативной и позднеславянофильской он, напротив, критиковался за пренебрежение национальными интересами и ценностями русского народа (Астафьев 1890: 32–33; Киреев 1912: 96). Уже после смерти философа его труды получили более взвешенную оценку как противника национального изоляционизма и идей национального превосходства (Бердяев 1911: 3–7; Величко 2000: 293).

На сложность определения места философа в спектре течений общественной мысли России обращали внимание А. Лосев (1990: 138) и Е.Н. Трубецкой (1907: 362–367), не идентифицируя его ни как славянофила, ни как западника, ни как консерватора, ни как либерала. Большую близость философа к западничеству обеспечивали условия общественного противостояния, прежде всего жесткая критика В.С. Соловьевым славянофильства. О.Ю. Малинова (2000: 115) отмечает широкий гуманистический характер его концепции, по некоторым и весьма существенным позициям совпадавшей с идеями, которые принято характеризовать как либеральные, по некоторым – расходившейся с ними.

Но одновременно его концепция будущего человечества как теократии и связанная с ней трактовка «русской идеи» давали основания либерально настроенным современникам и более поздним исследователям его творчества характеризовать их как абстрактную утопию, некоторые положения которой носили реакционный характер (Трубецкой 1991: 468). Утопизм идей философа отмечали Н.А. Бердяев (1911: 363) и А.Ф. Лосев (1990: 302–303), отрицая наличие реакционных тенденций в историософской концепции философа.

Оставаясь, в целом, в рамках западнического контекста, В.С. Соловьев занимал особую позицию, поскольку проблемы национальностей рассматривал через призму движения человечества к единству на основе христианства. Философ выстраивал свои взгляды по национальному

вопросу в рамках «христианского универсализма», опираясь на представление о религиозно-этической детерминации национального бытия. Задачей данного исследования является определение роли нации в историософских взглядах В.С. Соловьева и их корреляция с его воззрениями на наиболее острые и актуальные национальные проблемы современной ему России.

Проблема генезиса наций. В.С. Соловьев предложил развернутую историческую картину образования наций, встроенную в общую историю человечества. По его мнению, народность или национальное единство не являлись изначальными формами организации человека. В первобытном обществе народности не существовали, так же как не знали национальной идентичности дикие племена, современные В.С. Соловьеву (Соловьев 1914: 311–312 Оправдание...).

Однако и вышедшие из дикости и достигшие высочайшего уровня культуры древние греки, имея языковое единство, близость религии и культуры, не сплотились в народность. Они объединялись в локальные гражданские сообщества, существовавшие в рамках полисной системы, и их солидарность, таким образом, носила политический, а не этнический характер. Только противостояние с Персией дало импульс формированию национального единства, но оно было краткосрочным и сохранилось лишь до исчезновения угрозы порабощения. Греки, создав феномен идейной общности античного мира, основанный на «универсально-культурном самосознании», перешагнули через стадию национальной организации от полисной структуры к эллинистическому миру. В представлении философа, в последнем практически отсутствовал национальный элемент, поскольку данный культурно-исторический круг не совпадал с границами греческого этноса, и идентификация осуществлялась не на основе языка или происхождения, а «только усвоением высшей умственно-эстетической культуры» (312).

Альтернативой наднациональной античной цивилизации представал Восток. Но и здесь нации не могли сложиться в силу поглощения народов «всемирными монархиями» – ассиро-вавилонской, а затем персидской. В них впервые племенное деление сменилось универсальным принципом подданства монарху. Рим еще в период пунических войн, выйдя за границы латинской этничности, силой оружия уничтожая национальные границы в Европе и Азии, создал многоязычное и поликонфессиональное сообщество, объединенное универсальностью римского гражданства и римского права (313).

Первой исторически сложившейся народностью, пришедшей к осознанию себя как нации, В.С. Соловьев считал евреев. Еврейское национальное сознание носило выраженный религиозный характер и основывалось на представлении о собственной богоизбранности и мессианстве (315).

Пробуждение наций приобрело характер исторически устойчивой тенденции в эпоху перехода от Античности к Средневековью и происходило на фоне распространения христианства. В.С. Соловьев не связывал напрямую эти процессы, но считал, что христианство влияло на европейский этногенез. В отличие от А.Д. Градовского, который видел в католической церкви силу, мешавшую обособлению народностей (Градовский 1901: 10), В.С. Соловьев подчеркивал ее позитивную роль, прежде всего, на ранних этапах. Но уже в эпоху позднего Средневековья католическая церковь, не замечая происшедших перемен, вступила в конфликт с формирующимся национальным самосознанием (Соловьев 1914: 319 *Оправдание...*).

Образование народностей, по В.С. Соловьеву, происходило не одновременно. Он связывал осознание народом своей национальной особенности с выполнением какой-либо миссии, имевшей наднациональное значение. Раньше других европейских народов на этот путь встала Италия, чье национальное пробуждение философ относил к XII в. Оно проявилось не только в появлении нового итальянского языка, но, прежде всего, в небывалом взлете итальянского искусства, науки. Их влияние носило всемирный характер, поэтому, несмотря на продолжавшуюся политическую раздробленность и агрессию внешних сил, В.С. Соловьев полагал итальянскую нацию состоявшейся (320–321).

Становление Испании как народности связывалось философом с ее лидерством в противостоянии исламской агрессии, что привело к преобладанию в национальном сознании испанцев религиозного фактора. Испанская национальная идентичность практически совпадала с католической, т.е. главным было деление на христиан и мусульман. В.С. Соловьев не закрывал глаза на «темные страницы» в истории католицизма, но был убежден, что жесткая антиисламская направленность идеологии испанского общества была оправдана остротой борьбы, носившей не только межрелигиозный, но и межкультурный характер. Защищая христианство, испанцы не только спасли Европу от захвата, но и обеспечили будущий прогресс человечества (321–322). И вновь реализация миссии, выходившей за национальные рамки, связывается в работах мыслителя с признанием факта рождения нации. В то же время борьба с противниками католической церкви, позволившая Испании стать европейским гегемоном, в условиях распространения протестантизма сделала ее оплотом реакции и, в конце концов, подорвав силы нации, привела к ее закату (325).

Тот же протестантизм разбудил национальные силы в Англии, которая, не замкнувшись в рамках национализма, внесла свой вклад в мировую культуру и науку. Английская колониальная экспансия преподносится В.С. Соловьевым как продвижение высочайших достижений английского общества по всему миру. Кульминацией французской нации

философ видел Великую революцию, распространившую на всю Европу «принципы гражданской равноправности, религиозной и политической свободы». В начале XIX в. Германия, пребывавшая в состоянии политической раздробленности и «бессилия», достигает европейского первенства в области «высшей культуры – умственной и эстетической». Величие национального духа России связано с именами Пушкина и Петра I, представлявшимися В.С. Соловьеву олицетворением его общечеловеческого, но не узконационального характера (326–327).

В рассуждениях В.С. Соловьева о последовательном выходе на историческую арену новых народностей, вносящих какую-либо новацию в развитие человечества, заметно гегелевское влияние. Правда, у В.С. Соловьева нет четко определенного лидера эпохи, данную функцию могут одновременно выполнять несколько народов, олицетворявших прогресс в различных областях. Кроме того, философ акцентирует внимание на невозможности образования и развития наций в состоянии замкнутости и обособленности от остального человечества: «История всех народов – древних и новых, – имевших прямое влияние на судьбы человечества, говорит нам одно и то же. Все они в эпохи своего расцвета и величия полагали свое значение, утверждали свою народность не в ней самой, отвлеченно взятой, а в чем-то всеобщем, сверхнародном, во что они верили, чему служили и что осуществляли в своем творчестве – национальном по источнику и способам выражения, но вполне универсальном по содержанию или предметным результатам. Народы живут и действуют не во имя себя или своих материальных интересов, а во имя своей идеи, т.е. того, что для них всего важнее и что нужно всему миру, чем они могут послужить ему, – они живут не для себя только, а для всех» (328). Получается парадоксальный постулат – национально то, что наднационально.

Национальная идентичность и национальные идентификаторы. Данная логика была следствием рассмотрения В.С. Соловьевым проблем наций через призму движения человечества к единству на основе христианства: «Задача христианской религии – объединить весь мир в одно живое тело, в совершенный организм богочеловечества» (Соловьев 1914: 28 О народностях...). Он неоднократно подчеркивал, что христианство не отрицает национального деления, и последнее сохранится в процессе реализации христианского всеединства, более того, это движение будет реализовываться через приобретение новых качеств не только отдельными личностями, но и народами (Соловьев 1914: 318 Оправдание...).

Развитие сверхнародного предполагало увеличение в жизни каждого человека роли универсальных общечеловеческих ценностей. Так же и каждый народ, развиваясь к сверхнародному, все больше будет ориентироваться на общечеловеческое. Национальные черты не являлись для

В.С. Соловьева абсолютной ценностью, поскольку они могли содержать отрицательные качества: «Бывает дурная собирательная воля, ложное направление народной жизни и деятельности, бывают исторические грехи, тяготеющие над народною совестью; ото всего этого нужно освободиться, но такое освобождение может только укрепить народность, усилить и расширить проявление ее положительного характера» (318). Но кто и на основе каких критериев определял позитивные и негативные черты народности? Исходя из логики философа, goodness национальных черт зависела от соответствия общечеловеческим христианским качествам.

Обращаясь к общепринятым чертам или признакам национального единства, философ, по существу, опровергал их действительность только как национальных идентификаторов. По его мнению, «физическая близость» в рамках народности проявлялась весьма слабо, напротив, единство происхождения человечества признавалось тремя основными монотеистическими религиями и доказывалось научными методами естествоиспытателями и философами (466).

Менее однозначным В.С. Соловьев признавал действие другого критерия национального деления – языка. Он писал: «Различие языков есть различие существенных форм душевной жизни», соглашаясь с тем, что языковое многообразие отражало «особую качественность души», присущую разным народам (466). Но исторически сложившийся мультилингвизм не мог служить препятствием в общении между представителями различных национальностей, поскольку «различие языков не мешает единодушию, единомыслию и даже единословию людей; ибо в этом различии не упраздняется, а проявляется единое внутреннее слово, несомненно общее всем людям, так как все, при известных условиях, могут понимать друг друга, на каких бы языках они ни говорили». Наличие некоего высшего смысла, который «взаимно понимается», не относится только к случайным предметам, а «обнимает самое внутреннее содержание души человеческой», позволяло изучать чужую речь и свободно преодолевать языковой барьер. Языковые различия между народами не могли противодействовать реальной связи и единству всех людей, определяемому «самим внутренним содержанием души человеческой» (466).

Общность исторической судьбы сплавляла народ. Однако В.С. Соловьев не видел причин противопоставлять историю отдельного народа как обособленного и уникального феномена истории человечества. Только вливаясь в общеисторический процесс, народ реализовывал себя как его самостоятельный субъект. Другими словами, вне общей истории человечества национальной истории не могло быть – «народность живет, движется и существует только носимая средой сверхнародной и международной» (468). Таким образом, единство проис-

хождения, языка и истории, по мнению В.С. Соловьева, более указывали на общность человечества, нежели разделяли людей на национальности (465–466).

Важнейшим фактором национальной солидарности философ определял национальное самосознание, формирование которого было важнейшим критерием становления народности (национальности) (Соловьев 1914: 27–28 О народностях...). Поэтому главным в национальной идентификации человека в современных ему условиях В.С. Соловьев считал его самоопределение: «На той степени развития, какой достигло человечество, принадлежность данного лица к известной народности закрепляется его собственным актом самосознания и воли» (Соловьев 1914: 329 Оправдание...). Если язык, происхождение, история рассматривались мыслителем как факторы, создающие единство человечества, то препятствием к реализации сверхнационального оставалось самосознание отдельных личностей.

Поскольку объективные факторы, создающие национальное единство, философ отрицал, значение имели только субъективные, схожие по своему действию на общественном и индивидуальном уровне. В итоге национальное самосознание в масштабах народа для В.С. Соловьева принципиально не отличалось от индивидуального, оно было только более устойчиво во времени: «Народный характер отличается от единичного большим объемом и долговечностью его носителя, а не чем-нибудь принципиальным» (315). То есть трансформацию народного сознания можно было производить через корректировку индивидуального.

Но одновременно принадлежность человека к определенной нации рассматривалась философом как «прямое продолжение и расширение его индивидуальности», а значит, национальность – «не только физический факт, но и психическое, и нравственное определение». В.С. Соловьев подчеркивал, что народность есть «внутренняя, неотделимая принадлежность» человека, то, «что для него в высокой степени дорого и близко. И как же возможно нравственное отношение к этому лицу, если не признать существование того, что для него так значительно? Нравственный принцип не позволяет превращать действительное лицо, живого человека с его неотъемлемым и существенным национальным определением в какой-то пустой, отвлеченный субъект, произвольно выделяя из него определяющие его особенности» (329).

Христианское единение, по мысли философа, не уничтожало национальных особенностей, национальные различия «должны пребыть до конца веков». Народы остаются на деле обособленными членами «всемирного организма», но и всемирная цивилизация должна существовать не в виде отвлеченной идеи или идеала далекого будущего, а в виде реального социального тела, способного выступать как «явная и непрестанная центростремительная сила», которая могла бы противо-

действовать множеству центробежных сил, раздирающих человечество» (Соловьев 1989: 240 Русская...).

Народность (нация) В.С. Соловьеву интересна как основная форма объединения людей на современном ему этапе, как общность, в рамках которой будет развиваться христианское всеединство человечества. Но в истории человечества народность выступала как сила, дифференцировавшая и разделявшая, а значит, противоречащая «всеединящим нравственным началам христианства» (Соловьев 1914: 6 Национальный...).

Национальная идея. Новый смысл существования наций в условиях движения к всеединству философ пытался выявить через определение понятия и содержания национальной идеи. Он понимал сложность задачи поиска идеи, способной объединить совокупность разнонаправленных интересов множества личностей, разделенных религиозно, политически, социально. Национальная идея не должна была содержать сиюминутных задач, а ориентировать нацию на длительный исторический период. Мнение отдельного человека, социальной группы и целого народа может быть ошибочным. В.С. Соловьев приводил исторические примеры, когда целые народы, заблуждаясь в понимании своего места в истории, расплачивались за ошибки потерянными эпохами и своим будущим (Соловьев 1989: 227 Русская...).

Философ обращается в своих поисках не к общественному мнению, а к христианству как носителю высших ценностей: «Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности». С этой точки зрения цель любого народа заключалась в возможности реализовать свои силы и особые дарования через участие в жизни вселенской Церкви, в развитии «великой христианской цивилизации», а национальная идея трактовалась как «органическая функция, которая возложена на ту или другую нацию в этой вселенской жизни» (220).

Чтобы изменить собственную сущность и стать источником интеграции, христианская нация в своем бытии должна подчиниться вселенскому началу. Поскольку всеобщее единение человечества в «живом теле Христовом» является конечной целью исторического прогресса, то нация становилась, по мнению философа, реальной силой земной истории, только когда включалась в осуществление этой единой цели: «...народность не есть высшая идея, которой мы должны служить, а есть живая сила, природная историческая, которая сама должна служить высшей идее и этим служением осмысливать и оправдывать свое существование» (Соловьев 1914: 25 О народностях...).

Однако одновременно любая народность обретает понимание собственной значимости, своего национального «Я», только если она органически входит в человеческое единство. В концепции «христианского всеединства» национальная идея должна подчиняться вселенской хри-

стианской идее достижения «совершенного богочеловечества». Национальное призвание В.С. Соловьев определял как служение ради вселенского блага. Только оно придавало смысл национальному существованию (Соловьев 1914: 14 Нравственность...).

Самобытность народа философ считал источником «великой земной силы», потенциала, для реализации которого необходимо внешнее воздействие. Без приобщения к достижениям человечества народ обречен на стагнацию и гибель. Поэтому народ должен быть открыт для воздействия извне (Соловьев 1914: 27 О народностях...).

Готовность к восприятию благотворного «просвещающего и оживляющего» внешнего влияния требует национального самоотречения, которое нельзя трактовать как отказ от сущности народности – «родной почвы», но как отказ от принципа абсолютной самодостаточности народа, от надежды на его самобытность как основной или единственный источник развития. Только отбросив национальный эгоизм, нация сможет реализовать истинную цель своего существования – всеединство человечества. Национальное самоотречение можно считать состоявшимся, когда всеобщее благо отождествляется с национальным благом. Народность при этом не исчезает, не растворяется в человечестве, но перестает воспринимать себя самоценной и исторически незаменимой (27–28).

Философ призывал нации при выборе целей руководствоваться принципами христианской этики, считая, что каждая национальность (как и личность) имела право на собственные интересы, но равно национальность должна налагать на себя обязанность бескорыстно и безусловно исполнять долг. Часто насущные, сиюминутные материальные интересы народа могли приходить в противоречие с его «высшими нравственными задачами». В таком случае в выборе цели народ должен был руководствоваться голосом совести: «Не в нашей власти заставить других исполнять их обязанность, но исполнить свою мы можем и должны, и, исполняя ее, мы тем самым послужим и общему вселенскому делу; ибо в этом общем деле каждый исторический народ, по своему особому характеру и месту в истории, имеет свое особое служение» (Соловьев 1914: 16–17 Нравственность...).

Важным элементом национальной идеи В.С. Соловьев называл отношение нации к другим народностям. Одним из главных условий изменения роли национальности и превращения ее в интегрирующую силу должна была стать возрастающая межнациональная толерантность. По его мысли, это не означало отказа от национальных свойств и особенностей. Устранение недоверия и вражды к представителям других национальностей должно было происходить не через универсализацию национальной психологии, а через формирование универсальной этики: «Требование любить другие народности, как свою собственную, вовсе не означает психологической одинаковости чувства, а только этическое

равенство волевого отношения: я должен так же хотеть истинного блага всем другим народам, как и своему собственному; эта “любовь благоволения” одинакова уже потому, что истинное благо едино и нераздельно» (Соловьев 1914: 330 Оправдание...).

Итак, национальная идея определяла цель и смысл существования нации. Конечной целью национального развития философу представлялась самореализация народности как полноправного участника процесса движения к всеединству через обретение сверхнациональных интересов. Категория сверхнационального использовалась В.С. Соловьевым для определения состояния, которого достигают «христианские нации», при условии следования христианским этическим ценностям. Сохраняя внешние атрибуты национальности, внутренне они перерастают рамки народности и уходят «в жизнь всемирно-историческую» (Соловьев 1914: 384 Мир...). В.С. Соловьев объявил своим идеалом «христианскую нацию», которая удовлетворяла главному критерию – избавлению от национальной замкнутости и работала на развитие всего человечества. Это ставит под сомнение универсальность его футуристических построений. Провозглашая межнациональную толерантность важнейшим условием движения к всеединству, философ включал в нее и принцип свободы совести. Но при этом он всегда связывал идею прогресса с христианством, и будущая целостность человечества представлялась ему возможной только в рамках христианского всеединства. Само всеединство предполагало достижение конфессионального компромисса только внутри христианства и распространение его принципов на все человечество. Да и сам национальный вопрос он рассматривал исключительно в рамках Европы, допуская оформление национальностей только на основе европейских народов (Соловьев 1914: 28 О народностях...). В связи с этим вставал вопрос о добровольности присоединения нехристианской части человечества к создаваемому на основе христианства новому сообществу.

В свое время скепсис по этому поводу откровенно выражал Е.Н. Трубецкой, обративший внимание на существование людей как религиозных, так и нерелигиозных или религиозных, но не включенных в христианское бытие, что не позволяло им принять теократический союз добровольно, а значит, нарушало свободный характер теократии. Продолжая размышление, Е.Н. Трубецкой напоминал о включении В.С. Соловьевым государства в качестве важнейшего элемента Вселенской Церкви. Все это приводило исследователя к убеждению, что реализация идей Соловьева может создать ситуацию, когда человек будет участвовать в создании богочеловечества «вопреки своим убеждениям – не как верующий, а как подданный» (Трубецкой 1991: 468).

Русская национальная идея. В.С. Соловьев отмечал, что национальный вопрос в России имел определенные особенности. Создав на протяжении тысячелетия своей непростой истории мощное государство и

отстояв независимость, русский народ не стоял перед необходимостью защищать право на существование. Поэтому для мыслителя «национальный вопрос в России есть вопрос не о существовании, а о достойном существовании» (Соловьев 1914: 3 Национальный...).

Но под достойным существованием философ подразумевал не «материальные факты», а «идеальные цели». Поэтому, определяя важнейшие задачи национального развития России, он акцентировал внимание на ее месте в человеческой цивилизации и истории в соответствии с перспективами строительства «богочеловечества». Всю совокупность исторических обязательств России перед человечеством, нравственных и духовных ценностей, определявших самоидентификацию нации как в ретроспективе, так и в перспективе ее бытия, он попытался сформулировать в своем видении русской национальной идеи: «Русский народ – народ христианский, и, следовательно, чтобы познать истинную русскую идею, нельзя ставить себе вопроса, что сделает Россия чрез себя и для себя, но что она должна сделать во имя христианского начала, признаваемого ею и во благо всего христианского мира, частью которого она предполагается. Она должна, чтобы действительно выполнить свою миссию, всем сердцем и душой войти в общую жизнь христианского мира и положить все свои национальные силы на осуществление, в согласии с другими народами, того совершенного и вселенского единства человеческого рода, непреложное основание которого дано нам в Церкви Христовой» (Соловьев 1989: 229 Русская...).

Следует обратить внимание на неопределенность в работах В.С. Соловьева при выделении объекта – носителя русской идеи в разных аспектах ее реализации. Обращаясь к участию России в процессе движения к всеединству, философ, определяя ее исторические обязанности как условие реализации миссии, адресовал их не только русскому, но и другим народам, а также государству и церкви. В данном аспекте носителем русской идеи у В.С. Соловьева фактически выступал не русский народ как этническое образование, а русская нация как полиэтническое сообщество, занимавшее общее историческое пространство в рамках единого государства. Когда же речь заходила о выстраивании межнациональных отношений, русский этнос отделялся и в известной степени противопоставлялся другим народностям, входившим в состав России.

Нация и государство. Нация и государство у философа находятся в тесной взаимосвязи, но их отношения он считал сложными и меняющимися. В современном ему мире государство стало основной формой существования нации, которая обретает материальные очертания в государстве, «оформляется» им: «...нация в своем совокупном единстве и особенности всецело представляется властью государственною...» (Соловьев 1914: 313 Византизм...). Но одновременно нации составляли «действительное и живое тело государства», т.е. служили его основой.

Таким образом, В.С. Соловьев выражал нацию через государство, а государство через нацию: «...что же касается настоящего человечества, то оно является нам определенным многообразием наций, стремящихся сплотиться в законченные тела, или государства, имеющие каждое отдельный независимый центр, светскую власть или мирское правительство, представляющее и направляющее объединенную деятельность национальных сил» (Соловьев 1914: 241 Русская...). Философ, конечно, не смешивал эти понятия, скорее взаимоотношения нации и государства для него были вторичны, важнее был приоритет человечества как смысла существования обеих форм человеческой общности.

Государственную независимость В.С. Соловьев считал вовсе необязательной для сохранения и развития национальности (Соловьев 1914: 271 Письмо...). Более того, пример Польши показал, что народ, лишенный собственной национальной государственности, вполне способен выжить, и в нем он увидел развенчание принципа «национального эгоизма», т.е. безусловного требования своего государства для каждой национальности (Соловьев 1914: 8–9 Нравственность...). Будущее единение человечества предполагало и иные политические формы единства. Поэтому философ откровенно заявлял о бесперспективности самостоятельных (т.е. национальных) государств, утверждая, что для их ликвидации в Европе хватило бы одной войны (Соловьев 1914: 272 Письмо...). Впрочем, политическая сторона национального вопроса, по его словам, Соловьева не интересовала, так как центр тяжести будущих перемен он связывал с этическими аспектами. Таким образом, перспективы нации и государства как форм человеческого единства ему виделись по-разному. Если существование наций допускалось и в рамках реализованного всеединства, то национальные государства должны были уступить место всемирной христианской теократии.

Представления В.С. Соловьева о способностях русского народа к государственному строительству радикально отличались от славянофильских. Славянофилы утверждали, что одной из возвышающих русский народ черт является отсутствие «внешней правды, правды государства». Историю образования Древнерусского государства они представляли как отречение от государственности, выразившееся в приглашении иноземцев-варягов, которые стали выразителями государственной власти (Соловьев 1914: 200 Славянофильство...). Философ, напротив, увидел в истории с призванием варягов стремление создать государство любым возможным путем. Поэтому, пойдя на акт национального самоотречения, поступившись своей национальной гордостью, русский народ проявил историческую мудрость и политическую волю. Опровергая славянофильский тезис об уходе русского народа из государственной жизни, В.С. Соловьев настаивал, что без его участия и политической активности невозможно было создание сильной государ-

ственности, жизненно необходимой для национального самосохранения в условиях постоянного давления извне: «Такая государственность была необходима для России, расположенной на большой дороге между Европой и Азией, без всяких природных защит, открытой для всех ударов. Без глубокого государственного смысла, без самоотверженной и непоколебимой покорности правительственному началу Россия не могла бы устоять перед двойным напором с Востока и Запада...» (Соловьев 1914: 31 О народностях...). Философ считал сохранение и развитие национальной государственности одной из насущных задач русского народа.

Не разделяя убеждение славянофилов о противоположности интересов народа и государства в России, В.С. Соловьев в то же время не считал эти интересы полностью совпадавшими. Он настаивал на неверности подхода русских и немецких националистов, провозглашавших укрепление государства важнейшим национальным приоритетом. Государство в представлении русского философа было только формой, в рамках которой существовали народности на современном ему этапе, средством для защиты от внешней агрессии и обеспечения материальных условий развития наций. Но он не ставил под сомнение важность сохранения государственного единства России, считая, что русский народ не допустит его разрушения (31).

Философ был против смешивания принципов государственного и национального единства, в силу чего постоянно критиковал политику насильственной ассимиляции, проводившуюся правительством, не видя в ней совпадение с национальными интересами русского народа (Соловьев 1914: 77–78 Что требуется...). Особый интерес в определении системы взглядов на национальный вопрос представляет реакция мыслителя на наиболее яркие и актуальные его проявления в социально-политическом бытии России. Здесь очевидно доминирующее внимание к двум проблемам – польской и еврейской.

Польский вопрос. Польско-русские отношения, по мнению В.С. Соловьева, были заложниками извечного противостояния Востока и Запада. Показывая их историческую ретроспективу, философ старался опровергнуть мнение об исключительно негативном влиянии России на судьбу Польши. Он указывал, что кроме участия России в несправедливом разделе польского государства было и стремление предотвратить исчезновение польской национальности. По крайней мере, именно таким образом интерпретировалось создание Царства Польского в составе Российской империи в 1815 г. Отрицая какие-либо корыстные побуждения в действиях Александра I, русский философ видел в них желание предотвратить онемечивание поляков, вырвав из-под немецкого влияния часть их земель. В результате они были опорой польской этничности, помогая сопротивлению ассимиляции поляков, живших в

составе немецких государств (Соловьев 1914: 17–18 Нравственность...).

Российской власти удалось решить сложный вопрос, который не смогла решить польская элита в период суверенности – социальный конфликт между панством и холопством. По мнению В.С. Соловьева, последнему были предоставлены гражданские и экономические свободы, что предотвратило раскол общества и обеспечило его развитие не в «панской» или «холопской», но в социально единой Польше. Не идеализируя русскую политику в Польше, публицист, отправляя к мнению «даже иностранных писателей», констатировал здесь «такое социально-экономическое благосостояние, какого она (Польша. – В.К.) не могла достигнуть ни под прусским, ни под австрийским владычеством» (18). Главным результатом пребывания Польши в составе Российской империи было сохранение ее «исторического тела».

Однако поляки, уверен философ, предпочли бы немецкую ассимиляцию примирению с Россией. Он видел в этом проявление не межрелигиозных или межнациональных, а межкультурных противоречий. Поляки духовно принадлежали Западу, а поскольку «дух сильнее крови», их славянское происхождение не помогло преодолеть духовные различия с русскими. То есть линия культурного разлома проходила не на западе, а на востоке Польши. Данная мысль совпадала с господствовавшим в славянофильской среде убеждением о поляках как «агентах» католической Европы в славянском мире. Но у В.С. Соловьева данное положение носило характер констатации, а не обвинения. Отношения Польши и России, таким образом, были частью более глобальной проблемы отношений России и Европы, и алгоритм их налаживания В.С. Соловьев представлял совпадающим.

Только через действительное и внутреннее примирение с Западом, через «свободное соглашение с его духовными началами» Россия обретет новые перспективы (19–20). Точно так же и примирение с Польшей возможно исключительно на основе поиска духовного согласия, поскольку политический компромисс русский философ считал недостижимым. Даже абстрагируясь от готовности России предоставить Польшу независимость, В.С. Соловьев указывал на фантастичность планов польской элиты по воссозданию Речи Посполитой. Кроме того, обретение Польшей независимости не устраняло германской угрозы, жертвой которой она пала бы неизбежно. Благом для Польши и России он видел взаимное отречение от взаимной неприязни и духовное сближение на основе христианского универсализма (21).

В.С. Соловьев писал о безусловном сочувствии идее «самой полной» автономии Польши, реализация которой была бы выгодна и самой России. Он постоянно и весьма резко выступал против русификации

Польши, называя ее «убийством братского народа» (Соловьев 1914: 238 Русская...).

Однако государственную независимость В.С. Соловьев считал вовсе необязательной для сохранения и развития национальности (Соловьев 1914: 271 Письмо...). Поляки, давно потеряв «ложное единство обособленного и эгоистического национального существования», стали прообразом существования наций в условиях будущего всеединства (272). Данный тезис философа очевидно противоречит умонастроениям, доминировавшим в польском обществе, не допускавшим компромисса в вопросе неизбежности обретения Польшей государственной независимости. Таким образом, идеи мыслителя вполне встраивались в либеральный дискурс, содержанием которого было осуждение насильственной ассимиляции поляков, требование предоставления равных возможностей национального и социально-политического развития, при отказе от обсуждения государственного суверенитета Польши.

Еврейский вопрос. В.С. Соловьев рассматривал еврейский вопрос в России через призму взаимоотношений христиан и евреев. Русский философ пытался показать, что для устранения отчуждения между евреями и христианами первый шаг должны были сделать христиане. Иными словами, решение проблемы не в необходимости изменить евреев, а в изменении отношения к ним. Прежде всего, должно было поменяться само христианское сообщество, возвратившись к истинным христианским ценностям. Это сделает возможным ликвидировать эксплуатацию, а следовательно, причину ненависти к евреям. Далее мысли В.С. Соловьева приобретали откровенно утопичный характер. Он полагал, что современное христианское общество, не являясь истинно христианским, не обладало притягательностью для евреев. Но обретя первоначальные этические ориентиры, оно изменит отношение к себе нехристиан. Это не означало отсутствия необходимости перемен среди евреев, однако от них не требовалось отказа от своей веры. Лучшая часть еврейства должна была войти в новую теократию, но и остальные могли бы найти себя в новом мире (Соловьев 1914: 183–184 Еврейство...).

Итак, подход В.С. Соловьева к еврейскому вопросу принципиально отличался от абсолютного большинства предлагавшихся российскими интеллектуалами и общественными деятелями вариантов его решения. Последние исходили из необходимости ассимиляции евреев в различной степени жесткости, но всегда принципиальным было требование культурной, религиозной, социальной адаптации евреев к условиям российского общества и русского этнического большинства. В.С. Соловьев считал ошибочным и бесперспективным подход, основывавшийся на отказе евреев от своих религиозных основ (Соловьев 1914: 3–4 Талмуд...). Также неверно, по его мнению, было обвинять евреев в отсутствии патриотических чувств к стране проживания, поскольку

еврейский патриотизм всегда носил национально-религиозный характер, объект почитания которого никогда не локализовался пространственно (8–9).

Если футурологические построения В.С. Соловьева, нацеленные на изменения общественного сознания, духовных ценностей, этических основ взаимоотношений между людьми, носили отвлеченно-теоретический характер, то работы, посвященные борьбе с антисемитизмом, были публицистически конкретными и политически жесткими. Будучи знатоком еврейских священных книг, философ старался опровергнуть доводы юдофобов и антисемитов (русских и немецких), стремившихся найти в них доказательство религиозной детерминированности ненависти иудеев к христианству. Обращаясь к тексту Талмуда, он доказывал поверхностное знакомство либо вовсе незнание его людьми, делавшими столь неверные и далеко идущие заявления (18–19).

Обращаясь к причинам распространения антисемитизма в России, В.С. Соловьев локализовал его эпицентр польско-русскими землями, т.е. Украиной, Белоруссией и Литвой. По его мнению, на этой территории исторически, еще в эпоху Речи Посполитой, сложилась ситуация своеобразной этносоциальной специализации. Землевладельцы-паны в абсолютном большинстве были представлены поляками, большинство же крестьянского населения составляли русские (не малороссы, литвины, а именно русские!). Евреи, несмотря на законодательные ограничения и антисемитизм, составили большинство «городского промышленного класса», активно эксплуатирующего русских крестьян. Поэтому традиционная юдофобия христиан (поляков-католиков и русских-православных) была дополнена ненавистью к инородцам-угнетателям. В.С. Соловьев видел в данном факте подтверждение безусловных способностей евреев к предпринимательской деятельности, но отказывался считать эксплуатацию проявлением их национального характера. Далее он предлагал рассуждения, схожие с логикой народников, – евреи не создали экономику, построенную на жесточайшей эксплуатации, они используют «правила игры», разработанные европейским капитализмом (Соловьев 1914: 183 Еврейство...).

В.С. Соловьев с горечью отмечал, что российское общественное мнение и публицистика все более приобретали откровенно антисемитский характер. Он недоумевал, почему евреям приписывали исключительно негативные черты, в то время как среди представителей любой народности достаточно и негодяев, и праведников, и было бы неверно распространять индивидуальные личностные качества на весь народ. Возвращаясь к обвинению евреев в национальной предрасположенности и предпочтении к занятию исключительно предпринимательством, публицист напоминал об ограничениях, существовавших для евреев на другие виды трудовой деятельности. Таким образом, профессиональ-

ная специализации евреев была вынужденной и вызывалась внешними факторами, не имея отношения к национальному характеру (Соловьев 1993: 94–95).

Результаты исследования. В.С. Соловьев предполагал сохранение глобальной системы «личность – нация – человечество (как единая цивилизация)», но надеялся на изменение принципов взаимодействия между ними посредством реализации идеи богочеловечества. Движение к межнациональному объединению – «всеединству» составляло, по Соловьеву, сущность исторического прогресса и определяло перспективы развития нации как формы человеческого сообщества. По его мнению, факторы, консолидировавшие народность в прошлом: единство происхождения, национальный язык, общая история, в (его) настоящем отходили на второй план перед общностью целей совокупности личностей (сознательно причисляющих себя к данной национальности), оформленной в качестве национальной идеи. Иначе говоря, целостность нации обуславливалась не столько единым прошлым, сколько наличием сферы общих интересов и общих задач с точки зрения перспектив развития.

В.С. Соловьев рассматривал все аспекты национальной проблематики с точки зрения христианской этики. Философ выработал собственную оригинальную позицию в данном, весьма сложном, в первую очередь для России, вопросе отношения к нации и к перспективе ее развития и неизменно этой позиции придерживался. Она предполагала уважение права личности на национальное самоопределение как важнейшего элемента ее идентичности, принципа толерантности как основы межнациональных отношений, недопустимости национального унижения и дискриминации, принципа открытости наций как важнейшего условия их открытости.

Автор солидарен с мнением А.Ф. Лосева, писавшего об оригинальности социально-исторических убеждений В.С. Соловьева, не позволяющих подвести их под какую-либо социально-историческую систему (Лосев 1990: 323). При всей неоднозначности взглядов русского философа приоритетное значение имеет сформулированный В.С. Соловьевым принцип, согласно которому национальность человека заслуживает уважения и признания как внутренняя неотъемлемая характеристика личности, в силу чего она приобретает достоинство характеристики, этически значимой и для общества.

Литература

- Астафьев П.Е. Национальность и общечеловеческие задачи. (К русской народной психологии.) М.: Университет. тип., 1890. 47 с.
- Бердяев Н.А. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Владимира Соловьева // Сборник первый о Владимире Соловьеве. М.: Путь, 1911. С. 3–7.

- Величко В.Л. Владимир Соловьев. Жизнь и творения // В.С. Соловьев: pro et contra. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2000. С. 233–294.
- Градовский А.Д. Постановка национального вопроса по отношению его к политике // Собрание сочинений: в 9 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. Т. 6. С. 7–27.
- Киреев А.А. Славянофильство и национализм // Сочинения. М.: Издание А.С. Суворина, 1912. Ч. 2. С. 93–107.
- Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Прогресс, 1990. 720 с.
- Малинова О.Ю. Либеральный национализм (середина XIX – начало XX века). М.: РИК Русанова, 2000. 254 с.
- Милюков П.Н. Разложение славянофильства. Данилевский. Леонтьев. Соловьев // Из истории русской интеллигенции. М.: Тип. Монтвида, 1903. С. 266–306.
- Соловьев В.С. Византизм и Россия // Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Тип. Просвещение, 1914. Т. 7. С. 313–319.
- Соловьев В.С. Еврейство и христианский вопрос // Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Тип. Просвещение, 1914. Т. 4. С. 142–188.
- Соловьев В.С. Мир Востока и Запада // Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Тип. Просвещение, 1914. Т. 7. С. 381–384.
- Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Предисловие // Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Тип. Просвещение, 1914. Т. 5. С. 3–6.
- Соловьев В.С. Нравственность и политика. Исторические обязанности России // Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Тип. Просвещение, 1914. Т. 5. С. 7–23.
- Соловьев В.С. Оправдание добра // Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Тип. Просвещение, 1914. Т. 8. С. 3–519.
- Соловьев В.С. О народностях и народных делах России // Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Тип. Просвещение, 1914. Т. 5. С. 24–38.
- Соловьев В.С. «Письмо в редакцию “Przegląd Polski”» // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 267–272.
- Соловьев В.С. Протест против антисемитического движения в печати // Тайна Израиля. СПб.: София, 1993. С. 95–103.
- Соловьев В.С. Русская идея // Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 219–246.
- Соловьев В.С. Славянофильство и его вырождение // Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Тип. Просвещение, 1914. Т. 5. С. 181–244.
- Соловьев В.С. Талмуд и новейшая полемическая литература о нем в Австрии и Германии // Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Тип. Просвещение, 1914. Т. 6. С. 3–32.
- Соловьев В.С. Что требуется от русской партии // Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Тип. Просвещение, 1914. Т. 5. С. 75–81.
- Тонкова Е.Г. Культурно-философский анализ национальной идеи В.С. Соловьева: дис. ... канд. филос. наук. М.: Б.И., 2004. 222 с.
- Трубецкой Е.Н. Владимир Соловьев и его дело // Книга о Владимире Соловьеве. М.: Сов. писатель, 1991. С. 456–472.
- Трубецкой Е.Н. Основное начало учения В.С. Соловьева / Собрание сочинений кн. С.Н. Трубецкого. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1907. Т. 1. С. 362–367.

Статья поступила в редакцию 8 мая 2014 г.

Kudriashev Vyacheslav N. Tomsk State University (Tomsk, Russia)
V.S. SOLOVYOV'S VIEWS ON NATION*

Abstract. One of the most controversial figures in the Russian national discourse of the 19th century was Vladimir S. Solovyov who considered the issues of nation through the prism of mankind going towards unity based on Christianity. Referring to common characteristics of

national unity, the philosopher essentially rejected their effectiveness purely as national identifiers. An important factor in national solidarity he considered national self-awareness, the formation of which was a significant criterion for building nationhood (nation). Therefore, Solovyov believed self-determination of a man to be crucial in terms of national identification. Solovyov finds a nation to be of interest as the main form of bringing people together at the time, as a community within which Christian unity of mankind will develop. However, in the history of mankind, nationhood acted as a force which differentiates and separates and therefore contradicts the unifying moral principles of Christianity. V.S. Solovyov thought the global system 'individual – nation – mankind (as a single civilization)' to be preserved but hoped for a change of principles of interaction of those through the idea of God-manhood. Moving towards inter-ethnic unity – the overall unity – constituted, according to Solovyov, the essence of historical progress and determined the prospects for the development of nation as a form of human community. In his view, factors that had united nationhood in the past were as follows: the unity of origin, national language, and common history but in his time they gave place to the unity of goals of individuals consciously considering themselves belonging to a particular nation that was shaped as a national idea.

Key words: nation, national idea, nationalism, overall unity

* The work is carried out under the project 'Man in a Changing World. Issues of Identity and Social Adaptation: Past and Present' (Russian Government Grant № 14.B25.31.0009)

References

- Asta'ev P.E. *Natsional'nost' i obshchechelovecheskie zadachi. (K russkoi narodnoi psikhologii)*. Moscow: Universitet. tip., 1890, 47 p.
- Berdiaev N.A. Problema Vostoka i Zapada v religioznom soznanii Vladimira Solov'eva, *Sbornik pervyi o Vladimire Solov'ev* [The issue of East and West in Vladimir Solovyov's religious consciousness, The first collection about Vladimir Solovyov]. Moscow: Put', 1911, pp. 3–7.
- Velichko V.L. Vladimir Solov'ev. Zhizn' i tvoreniia, *V.S. Solov'ev: pro et contra*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo humanitarnogo instituta, 2000, pp. 233–294.
- Gradovskii A.D. Postanovka natsional'nogo voprosa po otnosheniiu ego k politike, *Sobranie sochinenii: v 9 t.* [The statement of the national question with regard to politics, Collected works in 9 vols.]. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasiulevicha, 1901, vol. 6, pp. 7–27.
- Kireev A.A. Slavianofil'stvo i natsionalizm, *Sochineniia* [Slavophilism and nationalism, Writings]. Moscow: izdanie A.S. Suvorina, 1912, part 2, pp. 93–107.
- Losev A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremia* [Vladimir Solovyov and his time]. Moscow: Progress, 1990, 720 p.
- Malinova O.Iu. *Liberal'nyi natsionalizm (seredina XIX – nachalo XX veka)* [Liberal nationalism in the middle of the 19th and early 20th centuries]. Moscow: RIK Rusanova, 2000, 254 p.
- Miliukov P.N. Razlozhenie slavianofil'stva. Danilevskii. Leont'ev. Solov'ev, *Iz istorii russkoi intelligentsia* [The decay of Slavophilism. Danilevskiy. Leontyev, Solovyov, From the history of Russian intelligentsia]. Moscow: Tip. Montvida, 1903, pp. 266–306.
- Solov'ev V.S. Vizantizm i Rossiia [Byzantinism and Russia], *Sobranie sochinenii: v 8 t.* St. Petersburg: Tip. Prosveshchenie, 1914, vol. 7, pp. 313–319.
- Solov'ev V.S. Evreistvo i khristianskii vopros [Jewishness and the Christian question], *Sobranie sochinenii: v 8 t.* St. Petersburg: Tip. Prosveshchenie, 1914, vol. 4, pp. 142–188.
- Solov'ev V.S. Mir Vostoka i Zapada [The world of East and West], *Sobranie sochinenii: v 8 t.* St. Petersburg: Tip. Prosveshchenie, 1914, vol. 7, pp. 381–384.
- Solov'ev V.S. Natsional'nyi vopros v Rossii. Predislovie [The national question in Russia], *Sobranie sochinenii: v 8 t.* St. Petersburg: Tip. Prosveshchenie, 1914, vol. 5, pp. 3–6.

- Solov'ev V.S. Nравstvennost' i politika. Istoricheskie obiazannosti Rossii [Morality and politics. Russia's historical duties], *Sobranie sochinenii: v 8 t.* St. Petersburg: Tip. Prosveshchenie, 1914, vol. 5, pp. 7–23.
- Solov'ev V.S. Opravdanie dobra [The justification of the good], *Sobranie sochinenii: v 8 t.* St. Petersburg: Tip. Prosveshchenie, 1914, vol. 8, pp. 3–519.
- Solov'ev V.S. O narodnostiakh i narodnykh delakh Rossii [On the peoples and people's affairs of Russia], *Sobranie sochinenii: v 8 t.* St. Petersburg: Tip. Prosveshchenie, 1914, vol. 5, pp. 24–38.
- Solov'ev V.S. «Pis'mo v redaktsiiu "Przeglad Polski"» [A letter to the editorial board of 'Przeglad Polski'], *Solov'ev V.S. Sochineniia: v 2 t.* Moscow, 1989, vol. 2, pp. 267–272.
- Solov'ev V.S. Protest protiv antisemiticheskogo dvizheniia v pechati, *Taina Izrailia* [The protest against the anti-Semitic movement and press, The secret of Israel]. St. Petersburg: Sofiia, 1993, pp. 95–103.
- Solov'ev V.S. Russkaia ideia [The Russian idea], *Sochineniia: v 2 t.* Moscow: Pravda, 1989, vol. 2, pp. 219–246.
- Solov'ev V.S. Slavianofil'stvo i ego vyrozhdienie [Slavophilism and its decay], *Sobranie sochinenii: v 8 t.* St. Petersburg: Tip. Prosveshchenie, 1914, vol. 5, pp. 181–244.
- Solov'ev V.S. Talmud i noveishaia polemicheskaia literatura o nem v Avstrii i Germanii [Talmud and the modern polemical literature about it in Austria and Germany], *Sobranie sochinenii: v 8 t.* St. Petersburg: Tip. Prosveshchenie, 1914, vol. 6, pp. 3–32.
- Solov'ev V.S. Chto trebuetsia ot russkoi partii [On what is needed from a Russian party], *Sobranie sochinenii: v 8 t.* St. Petersburg: Tip. Prosveshchenie, 1914, vol. 5, pp. 75–81.
- Tonkova E.G. *Kul'turno-filosofskii analiz natsional'noi idei V.S. Solov'eva* [The cultural and philosophical analysis of V.S. Solovyov's national idea]: dis. ... kand. filos. nauk. Moscow: B.I., 2004, 222 p.
- Trubetskoi E.N. Vladimir Solov'ev i ego delo, *Kniga o Vladimire Solov'eva* [Vladimir Solovyov and his work, The book about Vladimir Solovyov]. Moscow: Sovetskii pisatel', 1991, pp. 456–472.
- Trubetskoi E.N. Osnovnoe nachalo ucheniia V.S. Solov'eva, *Sobranii sochinenii kn. S.N. Trubetskogo. Vol. 1.* [The basic principle of V.S. Solovyov's teachings, Collected works by the duke S.N. Trubetskoy. Vol. 1]. Moscow: Tip. G. Lissnera i D. Sobko, 1907, pp. 362–367.